

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Издатель А. А. Иосифовичъ.

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ.

Редакторъ А. Н. Стояновъ.

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ.

№ 63.

ХАРЬКОВЪ, СУБОТА 7 (19) Марта 1881 года.

ГОДЪ I.

ОТДѢЛЬНЫЕ ЛЕЖА „ЮЖНАГО КРАЯ“ ПРОДАЮТСЯ по 6 К

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“,

1881 ГОДА.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Городъ, безъ доставки	10 50	10	9 25	8 50	7 75	7	6	5 40	4 50	3 50	2 40	1 20
Городъ, съ доставкой	12	11 50	10 75	10	9 10	8 20	7	6 30	5 20	4	2 50	1 40
Иногородные	12 50	12	11 25	10 25	9 50	8 50	7 50	6 60	5 60	4 50	3 20	1 60

Допускается разсрочка въ платежѣ за годовую экземпляръ по соглаш. съ главной конторой газеты.

Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа наждаго мѣсяца; но каждый срокъ простирается не далѣе какъ до конца 1881 г.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ главной конторѣ редакціи газеты въ г. Харьковѣ, на Московской ул., въ д. Императорскаго Харьковского Университета, № 7-й, при „Публичной Библиотецѣ“ А. А. Иосифовича; ТАЖЕ ЖЕ ПРИНИМАЮТСЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Кромѣ того, подписка принимается въ 6-Петербургѣ въ книжныхъ магазинахъ: Н. Г. Мартынова и „Новое Время“; въ Москвѣ въ книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова и въ книжной и газетной торговлѣ Н. И. Шаниникова; въ Киевѣ въ книжномъ магазинѣ Е. Я. Федорова; въ Одессѣ въ книжномъ магазинѣ В. И. Бялого; въ Полтавѣ въ книжномъ магазинѣ Г. И. Болото-Родченка.

ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ: изъ Франціи исключительно въ Парижѣ — у Navas, Lafitte et Co, 8 Place de la Bourse; въ Москвѣ въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ языковъ, на Петровск., домъ Солодовникова; въ Петербургѣ въ той же конторѣ на Невскомъ проспектѣ; въ домѣ Струбинскаго и въ Варшавѣ въ варшавскомъ агентствѣ объявленій Рейхманъ и Френдлеръ на Сенаторской улицѣ, въ домѣ № 22.

Главная контора газеты проситъ Г. подписчиковъ сообщать о неаккуратной доставкѣ газеты.

ДИККЕНСЪ, КАКЪ ПЕДАГОГЪ.

Рѣчь проф. А. И. Кирпичникова.
(СМОТРИ ВЪ ОБЪЯВЛЕНІЯХЪ).

СОДЕРЖАНІЕ:

Харьковъ, 7-го марта 1881 года.

Изъ записокъ земца. (А. Стояновъ).

Мѣстная хроника: Изъ записной книжки репортера.

Внутреннія извѣстія: Корреспонденція „Южного Края“ изъ Лубны и Мерефы. Письмо въ Редакцію — Извѣстія разныхъ газетъ о злодѣйскомъ покушеніи.

Телеграммы (отъ специальныхъ корреспондентовъ „Южного Края“ и отъ „Международнаго телеграфическаго агентства“).

Обозрѣнія газетъ и журналовъ.

Политическое обозрѣніе.

Судебная хроника: Дѣло ротмистра князя Миклаше въ харьковскомъ военно-окружномъ судѣ.

Календарь.

Справочныя свѣдѣнія.

Объявленія.

Телеграммы помѣщены на третьей страницѣ.

ХАРЬКОВЪ.

6-го марта 1881.

Едва ли кто станетъ спорить противъ общезвѣстныхъ замѣчаній, которыми давно уже переполняются всѣ газеты касательно того, что такъ называемый „восточный вопросъ“ есть только своего рода условный терминъ для обозначенія цѣлаго ряда дружныхъ, заключающихся въ этомъ терминѣ, вопросовъ. Вѣрно и то, что въ настоящую минуту, наибольшій интересъ, при наибольшей своей опасности, представляетъ греко-турецкая распря по поводу исправленія границъ на основаніи протоколовъ берлинскихъ конференцій. Въ самомъ дѣлѣ, не нужно быть слишкомъ пугливымъ, или алармистомъ à tout prix, чтобы убѣдиться развѣ на всегда въ серьезности крайне-напряженныхъ отношеній между Турціею и Греціею въ тотъ самый моментъ, когда пишется эти строки.

Какъ бы кто ни умали военныя и финансовыя силы этихъ двухъ государствъ, но несомнѣнно, что, по слѣдствіямъ извѣстнаго, Турція съ лихорадочною дѣятельностью производитъ свои вооруженія. Повсюду созываются въ Турціи резервы и поспѣшно направляются въ Эпиръ, Фессалію и Македонію. Финансовыя „геніи“ совѣтъ-вѣтчиковъ Порты соединяютъ средства отъ принудительнаго займа, обезпеченнаго налогомъ на недвижимыя имущества, съ немаловажными суммами отъ сбора личной — или, какъ говорятъ у насъ — подушной — подати. Носилась также слухъ, подхваченные европейскою прессою, будто въ послѣднихъ числахъ февраля велись переговоры о вѣнскомъ займѣ съ какими то банкирскими домами въ Европѣ.

Что касается Греціи, то, по сообще-

біямъ, по убѣжденію вѣрующихъ дипломатовъ, должна наступить новая эра для правильнаго развитія и мирнаго окончанія спорнаго дѣла. Никакіе доводы и возраженія, замѣчаетъ корреспондентъ газеты Republique Française, не могутъ поколебать ихъ убѣжденій въ вѣрности и практической приемлемости, въ ловкости и компетентности представителей дипломатіи.

Но здѣсь невольно припоминаются слова одного изъ публицистовъ въ книгѣ, посвященной вопросу о значеніи дипломатіи, — слова сказанныя гораздо раньше, а именно въ 1864 г. (Essai sur la diplomatie, князя Адама Чарторжискаго). „Дипломатія — говоритъ этотъ писатель — осталась непричастною успѣхамъ цивилизаціи; мало того: изъ всѣхъ вещей на земномъ шарѣ дипломатія остается именно такою вещью, въ которой то, что есть, наиболѣе отличается отъ того, что должно быть. Я постоянно замѣчалъ въ ней лишь слѣдующія черты: множество рутинныхъ приемовъ, пустыхъ формулъ, хождѣнныхъ основаній, нѣсколько неопредѣленныхъ и произвольныхъ правилъ и ни одного принципа, который бы могъ послужить опорой или дать твердое направленіе дипломатіи“.

Мы не желаемъ, въ настоящую минуту, разсматривать это мнѣніе по существу и вообще такая задача была бы невыполнима въ предѣлахъ газетной статьи. Но трудно отрицать несимизма князя Адама Чарторжискаго въ частности, по отношенію къ греко-турецкой распрѣ. Спрашивается: развѣ не видно присутствія хождѣнныхъ основаній и отсутствія руководящаго принципа хотя бы въ образѣ дѣйствій французскаго правительства по этому вопросу и опасному вопросу? Развѣ позднѣйшія ноты Бартеми-Сентъ-Илера согласны съ текстомъ другихъ дипломатическихъ документовъ, исходившихъ лѣтомъ 1880 года изъ канцелярскія французской республики? Выходитъ изъ слова французской ноты отъ 19 іюня 1880 г. (....Que le gouvernement de la République Française... à cherché... à demeurer fidèle non seulement à l'esprit, mais en quelque sorte à la lettre du traité de Berlin), — выходитъ ли, говоримъ, эти слова съ нѣсколькими позднѣйшими депешами въ Лондонъ къ посланнику Франціи Паллемей-Лакурю? (Смыслъ депеши этой таковъ: „Греки воображаютъ, будто берлинская конференція создала для нихъ безусловное и непосредственное право; мы не можемъ вѣрить этому, ибо это было бы равносильно официальному призыву грековъ къ войнѣ противъ Турціи“ и т. д.).

Трудно поддержать такими приемами вѣру въ практическую и компетентность дипломатіи въ дѣлѣ развязанія и мирнаго окончанія международныхъ столкновений. Затѣмъ, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что „концертъ“ европейскій теперь еще слабѣе, чѣмъ былъ въ 1876 году, въ эпоху константинопольскихъ конференцій. Едва ли Германія сойдется съ Англіею въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ въ греко-турецкой распрѣ. Едва ли Австрія откажется отъ явнаго дружества къ Турціи. Едва ли Россія и Італія будутъ въ состояніи выйти изъ того сдержаннаго и почти индифферентнаго положенія, въ которое ихъ поставили обстоятельства. Едва ли Франція растолкуетъ противорѣчія своихъ „нотъ“ въ интересахъ Греціи. Въ настоящую минуту, нѣтъ никакихъ шансовъ на коллективную даже простую дипломатическую мѣропріятію по греко-турецкому вопросу. Дипломаты тщетно стараются дѣйствовать въ одиночку, зная однакожъ навѣрное, что такіе приемы заранѣе сводятъ къ нулю возможное влияние всѣхъ ихъ „тождественныхъ“ нотъ и декларацій. Турція прекрасно понимаетъ это и еще лучше умѣетъ пользоваться своимъ яснымъ разумѣніемъ истинной сути дѣла. „Турція“ — говорятъ турецкіе дипломаты — знаетъ одну Европу, но не желаетъ даже знать ни Греціи, ни ея притязаній“.

Вотъ тотъ страшный и спутанный клубокъ, который приготовленъ искусствомъ современной дипломатіи Европы подъ ярлыкомъ „греческаго вопроса“. Мудрено ли, если клубокъ этотъ, представляющій загадку для Улисса совре-

мѣнны дипломатіи, вызоветъ наконецъ ударъ меча хотя бы Османа-паши, за неимѣніемъ на развалинахъ древнихъ македонскихъ городовъ иного представителя военныхъ доблестей Александра Великаго?

Изъ записокъ земца.

21-го декабря прошлаго 1880 года, по окончаніи выборовъ, очередная сессія харьковскаго губернскаго земскаго собранія закрылась, собраніе разбѣжалось, просуществовавъ 18 дней, разсмотрѣвъ 32 и оставивъ безъ разсмотрѣнія 54 доклада съ нѣсколькими отдѣльными заявленіями и предложеніями. Въ числѣ нерассмотрѣнныхъ докладовъ остались: проектъ устава взаимнаго земскаго страхованія скота, о размѣрѣ и условіяхъ пособія при устройствѣ земствомъ, о пересмотрѣ положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ, о пересмотрѣ устава о земскихъ повинностяхъ, объ открытіи въ Харьковѣ второй женской гимназіи, о новомъ распредѣленіи дорогъ на губернскія и уездныя, которыя уже шестой годъ никакъ не могутъ быть распределены, и шестой годъ губернскаго земства тратитъ деньги на дороги ненужныя для губерніи и оставляетъ на уѣздныхъ средствахъ дороги, имѣющія значеніе для всей губерніи. Все это покинуто гласными безъ разсмотрѣнія, хотя въ числѣ нерассмотрѣнныхъ докладовъ есть 33 доклада отъ прежнихъ лѣтъ, даже отъ 1877-го года.

Въ настоящее время, когда все уже утихло и гласные, довольные и неудовольные результатомъ выборовъ, заняты въ своихъ углахъ борьбой съ разными жуками, пыльниками, дифтеритомъ, чумой, — одержимые „насмѣстными представленіями“, будто они добросовѣстно выполнили свои земскія обязанности, — не безынтенсивно оглянутся назадъ и посмотрѣтъ на то, что сдѣлано этой сессіей новаго трехлѣтія харьковскаго губернскаго земскаго собранія.

3-го декабря, назначено было открытіе собранія, но по заведенному обычаю собраніе не состоялось за неприбытіемъ узаконеннаго числа гласныхъ и слѣдовательно новые гласные остались вѣрны земскимъ обычаямъ.

4-го декабря собраніе, хотя и малочисленное, состоялось; и за это надо благодарить Бога, такъ какъ въ лѣтнихъ харьковскаго губернскаго земства есть сессія очередныхъ и экстренныхъ собраній вовсе несостоявшихся за неприбытіемъ гласныхъ.

Въ этомъ засѣданіи были избраны редакціонная и ревизіонная комитетъ. Редакціонная комитетъ избрана была легко, но отъ ревизіонной комитетъ всѣ отказывались, чуть не вышолъ скандалъ, гласные другъ друга упрямивали не отказываться и комитетъ составилъ съ трудомъ, да и то не въ полномъ числѣ. Въ чемъ причина этого? Все въ той же земской безтолочи. Обреченъ губернскую управу, ознакомится съ ея дѣлопроизводствомъ по всѣмъ отдѣламъ, проверитъ ихъ отчетность по книгамъ, документамъ, сѣмтамъ и журналамъ проверитъ перечисленіемъ раскладку, осмотрыть большіе съ домомъ умышленныя и богатырскія, фельдшерскую школу, школу новитухъ и пріютъ подкидышей, проверитъ ихъ дѣлопроизводство; осмотрыть ихъ имущество, — все это дѣло большое и требующее много времени. Это сознается всѣми, а потому первыя два собранія каждаго трехлѣтія избираютъ ревизіонную комитетъ за годъ впередъ съ тѣмъ, чтобы она собралась за мѣсяцъ до созыва собранія.

Въ третью же (послѣднюю) сессію собраніе ревизіонной комитетъ не избираетъ, какъ бы говорилъ: будущее собраніе будетъ новое и пусть само выберетъ тѣхъ, кому доверитъ, тѣмъ болѣе, что избранные теперь нами могутъ и не попасть въ гласные будущаго трехлѣтія. Въ силу этого соображенія каждое первое собраніе новаго состава избираетъ на свою сессію свою комитетъ, которой приходится произвести всю ревизію въ семь дней, и при томъ въ тѣ нелегкіе часы утра и вечера, которые ей остаются отъ занятій въ собраніи, и которые должны бы идти на отдыхъ и ознакомленіе съ прочими докладами управы. Понятно, это бываетъ уже не ревизія, а пародія на ревизію, — тутъ утомленные засѣданіями члены ревизіонной комитетъ при еще болѣе замученныхъ и утомленныхъ членахъ и служащихъ управы, считаютъ только кассу, проверятъ содержимое казначейскаго сундука, — все же остальное они едва успѣваютъ — не проверить, а оглядѣть — на лету, поверхностно, на выдержку, „для формы“, и все-таки только-только поспѣютъ докладывать собранію, что „все обстоитъ благополучно“. Отсюда и происходятъ тѣ скандалы, что когда ревизіонная комитетъ указала въ „ростисѣ“ на сумму 18,616 р.—11³/₄ в. дворянскаго долга и когда начались объ этомъ пренія, то ревизіонная комитетъ сама не могла объяснить, что это за цифра такая. Докладъ писанъ чуть не во время самаго засѣданія собранія, въ которомъ долженъ былъ докладываться (седьмой день сессіи); нужно было изъ приличія сказать что-нибудь и объ „ростисѣ“, — комитетъ и обратила вниманіе на долгъ, мимоходомъ указанный ей бухгалтеромъ, — но ознакомитъ съ нимъ не имѣла времени. Спросите каждаго члена такой комитетъ, вѣрнѣе ли онъ самъ въ то, что докладываетъ, и онъ отвѣтитъ „нѣтъ“. Онъ скажетъ: я глубоко открытъ въ честности управы и бухгалтеровъ, что ореховство и подлога нѣтъ; но я не имѣю никакихъ фактическихъ данныхъ утверждать, что въ управѣ дѣла ведутся хорошо, что отчетъ ея безоснованъ, что раскладку перечислена отъ, что все требуемое управой описательно не обложено. И такая ревизія происходитъ въ самый главный годъ, когда сѣмная управы, когда новое собраніе должно болѣе ознакомиться съ дѣятельностью старой управы, и когда, слѣдовательно, ревизія должна быть самой подробной и строгой. Кому же послѣ этого охота браться за дѣло, въ которомъ онъ бесцѣленъ и обязанъ докладывать на слѣбую вѣру, т. е. лгать и брать на себя нравственную отвѣтственность за свои доклады „все обстоитъ благополучно, все отъ, хорошо и нужно“.

И все это отъ какого то простого недомыслия. Если управа, избранная однимъ составомъ земскаго собранія, можетъ давать отчетъ новому составу собранія и пользоваться у него довѣріемъ, хотя бы она вся цѣлкомъ и не попадала въ число его членовъ, въ качествѣ гласныхъ, то почему бы не примѣнить этого принципа къ ревизіонной комитетъ? Къ сожалѣнію, харьковское земство до этого еще не додумалось, и остается равнодушнымъ ко всякимъ ревизіямъ.

Что же нужно, чтобы измѣнить такой порядокъ? Очень не много: — нужно, чтобы председатель собранія созвалъ это и предложилъ избрать комитетъ и въ послѣднюю сессію собранія стараго состава, но председателю не предлагать, собраніе молчать и небытностья 15 лѣтъ.

Добавлю, что для пользы дѣла было бы необходимо, чтобы хотя наплавнѣйшіе доклады управы разсылались гласнымъ, напримѣръ, недѣли за дѣло до созыва собранія, — чтобы редакціонная комитетъ также избиралась за годъ и собиралась недѣли за дѣло до собранія. Невозможно и утомленнымъ членамъ редакціонной комитетъ мимоходомъ въ нѣсколько часовъ утра и вечера, разрабатывать такіе насущные вопросы, какъ земскій банкъ, ремесленные училища и т. п., и составлять по нимъ надлежащіе доклады. Отсюда и могутъ происходить, отчасти, тѣ печальныя факты, что неудачная редакція, какою-нибудь пустое слово „а такъ-же“ могутъ давать матеріалъ для созданія глупыхъ пугалъ и проваливать такіе насущные доклады, какъ земскій банкъ.

Мѣстная хроника.

Изъ записной книжки репортера.

Вчера въ помѣщеніи судебной палаты, въ два часа дня, въ присутствіи

всего судебного персонала, присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ, равно и канцеляріи всего судебного вѣдомства, отслушана панхидра по въ Божѣ почившему Императору, а за тѣмъ всѣ присутствующіе были приведены къ присягѣ.

Въ перкви, гдѣ приводится къ присягѣ народъ, то и дѣло являются женщины съ просьбой приводить къ присягѣ и ихъ, въ чомъ священники имъ отказываютъ, такъ какъ по нашимъ законамъ женщины не приводятся къ присягѣ.

Обращаюсь еще разъ къ больницѣ медицинскаго общества. Я не знаю, что домъ занимаемый больницѣ специально выстроенъ для этой цѣли. Если такъ, то не грѣхъ бы обществу обратить вниманіе на вентиляцію, которая положительно отсутствуетъ. При наплывѣ приходящихъ больныхъ, которыхъ одновременно иногда бываетъ въ собраніи за дѣло 30, какъ, напримѣръ, 5 числа утромъ, воздухъ невиносимъ для человѣка здороваго, какъ же вредно онъ долженъ отзываться на больныхъ организмахъ.

Заносы по кур.-харьков. желѣзной дорогѣ, какъ я передавалъ вчера, уже расчищены, но восстановлено только пассажирское сообщеніе, отправная же товарныхъ поѣздовъ пока прекращена.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Г. Лубны, полтавск. губ., 1 марта (корреспонденція „Южного Края“). Типъ да гладъ, всегда присущая жизни нашего городка, на дняхъ была нарушена подробностями ужасающей драмы, совершавшейся въ домѣ одного богатого помѣщика Ск — аго въ теченіи 3-хъ лѣтъ и сдѣлавшей нынѣ предметомъ изслѣдованія судебной власти. Объектомъ этой драмы является четырьмялѣтняя дѣвочка, сиротка-приемышъ гг. Ск — ихъ, подвергавшаяся все указанное время возмущающимъ душу истязаніямъ и мученіямъ: ее сѣли розгами, подвергали голоду, заставляли по часамъ стоять на снѣгу, привязывали со связанными руками къ кровати, завязывали въ мѣшокъ. Все это дѣлалось на виду Ск — ихъ, приставленному имъ же къ дѣвчѣ 14 лѣтнему нанею.

Истязанія эти первоначально были предметомъ обсужденія въ здѣшнихъ, такъ называемыхъ, гостиницахъ, о нихъ знали, но никто не рѣшался открыто вступить за бѣдную невинное существо. Наконецъ, какъ и въ извѣстномъ дѣлѣ Кроненберга, наплалась добрая душа, простая женщина, свидѣтельница этихъ истязаній, которая рѣшилась заявить обо всемъ судебной власти. Немедленно же въ домъ Ск — аго отправились товарищи прокурора, слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ, мѣстный исправникъ и два медика и потребовали отъ Ск — ихъ для осмотра дѣвчонку, ея кровать и бѣлье. При осмотрѣ оказалось: въ общемъ, гдѣ дѣвчонка представляла собою почти скелетъ, на снѣгѣ слѣды розогъ, ноги отъ колѣнъ до ступни синегоразоваго цвѣта, покрытыя язвами, два пальца на ногахъ представляли сплошную массу гноя и дикаго мяса, происшедшаго, по заключенію врачей, отъ отморозженія; въ кроваткѣ ребенка какой то хаосъ изъ маленькаго тѣльца, набитаго сѣномъ и такой же подушки и грязнаго бѣлья — простынь и дѣтскихъ чулокъ, покрытыхъ гноемъ и кровью — слѣдовъ того, что ребенокъ оставался безъ всякой медицинской помощи. Въ углу одной изъ комнатъ обширнаго дома Ск — ихъ найдено и вѣщественное доказательство истязаній — полотняный мѣшокъ, въ которомъ, по заявленію отца и тетки ребенка, прибывшихъ въ домъ Ск — аго одновременно съ судебными властями, они застали дѣвчонку связанною и поставленную въ уголъ комнаты...

Не смотря на видимое угнетеніе натуры ребенка, онъ оказался морально довольно развитымъ и давалъ, хотя и боязливо, особенно въ присутствіи его няни, довольно обстоятельныя отвѣты и указанія. Немедленно же онъ былъ взятъ изъ дома Ск — ихъ и помѣщенъ въ городскую земскую больницу.

Последующие факты, добытые дьявольскими и обстоятельно веденными предварительными следствиями, составляют пока достояние этого последнего и потому я воздерживаюсь теперь от их передачи. Ограничусь замечанием, что истина в этом дѣлѣ несомненно будет разяснена всесторонне и всѣ участники въ нем не останутся не раскрытыми: ругательства за это служат ошпательством г-на Ж.—ко, доказанная им изследованіемъ и раскрытіемъ, такихъ неясныхъ и сложныхъ дѣлъ, какъ убійства казанскаго Переславскаго монастыря, помѣщика Каневского и многихъ другихъ.

Мерефа. 20 февраля (корреспонденция „Южный Край“). Многочисленный день 19 февраля торжественно отпраздновался у насъ и въ нынѣшнемъ году. Поводомъ къ торжеству послужила икона Александра Невского, приобретенная для нашего училища на собранные деньги 19 февраля прошлого года. Все дѣло принадлежит г. станному приставу, по его почину была составлена подписка, имѣющая сдѣлать заказъ иконы, стоящей 90 р. Внесеніе иконы въ двухклассное училище было совершенно торжественно. Въ Николаевской церкви были отслужены часы, совершенно освященіе иконы и благодарственный молебенъ. Затѣмъ крестнымъ ходомъ внесена икона въ училище, тамъ было тоже отслужено благодарственное молебствие, была предложена подписка на неугасаемую лампаду, собрано нѣсколько рублей, а крестныя Н. К. предложилъ пудъ деревяннаго масла. На деньги, собранные по листу, была устроена закуска для представителей власти и высшего крестьянскаго кружка. Ученики и бѣдные крестьяне на торжествѣ присутствовали, но въ закуску участія не принимали. Какъ слѣдовало, на закуску тѣмъ, кто и раздавалъ, „ура!“ Жаль, что Мерефа живетъ надолго, туго идутъ общественныя подписки, а то бы наши представители торжественно съ тостами каждый день. Былъ также всенный звонъ и на большой улицѣ слободы развѣшивались флаги.

Мерефинъ.

Письмо въ редакцію.
М. Г. г. Редакторъ!

Въ № 48, издаваемой вами газеты, напечатаны дѣя корреспондентъ изъ Ялты, изъ коихъ одна перепечатана изъ „Правды“.

Въ одной изъ этихъ корреспонденцій между прочимъ сказано, что засѣданія филоксерной комиссіи—негласныя, вѣроятно потому, что комиссія находить удобнымъ, чтобы въ ея дѣлахъ все было „шито и крыто“. Въ этомъ сообщеніи очевидное недоразумѣніе. О засѣданіяхъ комиссіи заблаговременно объявляется въ мѣстной газетѣ „Тавридь“ и не только присутствовать въ засѣданіяхъ комиссіи, но и высказывать свои мнѣнія никому не возбраняется. Именно, въ засѣданіи 18 января, о которомъ говоритъ корреспондентъ, присутствовало около 15-ти постороннихъ лицъ и въ числѣ ихъ—спеціальныя корреспонденты „Голоса“ г. Городецкій, приглашенный въ засѣданіе комиссіи. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ въ этомъ засѣданіи высказывали свои мнѣнія, которыя каждый разъ выслушивались комиссіею. Если къ этому добавить, что каждый журналъ комиссіи, равно какъ и о каждомъ распоряженіи по вопросу объ уничтоженіи филоксеры, печатается въ „Тавридь“, весьма распространенной мѣстной газетѣ, то кажется трудно даже предположить, какимъ образомъ было бы возможно придать болѣе гласности дѣйствіямъ филоксерной комиссіи.

Такъ какъ зашла рѣчь о гласности, то скажу кстати, что готовится къ печати, какъ мнѣ то достовѣрно извѣстно, брошюра г. Данилевскаго, доказывающая правильность принятой у насъ системы борьбы съ филоксерою. Эту брошюру предполагается въ самомъ непродолжительномъ времени разослать въ наши университеты и нашимъ специалистамъ, съ просьбою сдѣлать съ ихъ стороны указанія.

Отвѣтомъ на остальную часть вышеупомянутыхъ корреспонденцій послужитъ моя корреспонденція, которая на дняхъ будетъ напечатана въ „Тавридь“, о мѣрахъ, принимаемыхъ для уничтоженія филоксерной заразы у насъ въ Крыму.

В. Вельде.

—**Всенародное объявленіе герольдомъ о выносі изъ Императорскаго Зимняго Дворца въ Петропавловскій соборъ тѣла въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Александра Николаевича.** 5-го числа сего марта мѣсяца, наканунѣ дня перенесенія тѣла, въ 11 часовъ утра на площадь противъ Императорскаго Зимняго дворца соберутся: два герольда, верхомъ, въ полномъ траурномъ одѣяніи, и два сенатскихъ секретаря, также верхомъ, въ черныхъ кафтанѣхъ, и при нихъ, по распоряженію военнаго начальника, конвой изъ двухъ взводовъ кавалергардскаго

или лейбъ-гвардіи коннаго полка, съ четырьмя трубачами. Герольды и секретаря даны будутъ отъ придворной конюшни лошади съ приличной траурной сборой. По проиграніи трубачами на трубахъ предъ окнами Зимняго Дворца, одному изъ сенатскихъ секретарей прочтеть нижеозначенное объявленіе, тоже самое потомъ учинить предъ всѣми дворами, и затѣмъ, раздѣлившись на двѣ части, въ каждой съ герольдомъ и секретаремъ, ѣхать одному герольду съ отрядомъ по всей адмиралтейской сторонѣ, а другому, также съ отрядомъ, на Васильевскій островъ, на Петербургскую и Выборгскую стороны и читать объявленіе: на площадяхъ, на главныхъ улицахъ и перекресткахъ и по учиненіи повсюду объявленія, съѣхаться на ту же площадь, противъ Зимняго Дворца, отпустить команды по квартирамъ, а самимъ съ рапортами явиться въ экспедицію церемониальныхъ дѣлъ.

— „Рус. Инв.“ сообщаетъ: Государь Императоръ остается шефомъ всѣхъ полковъ, которыхъ шефомъ былъ покойный Государь, а также тѣхъ, которыхъ шефомъ былъ онъ раньше самъ, кромѣ атаманскаго полка, шефомъ котораго назначенъ Цесаревичъ. Императрица будетъ шефомъ кавалергардскаго полка и остается шефомъ тѣхъ полковъ, которыхъ шефомъ была прежде. Назначаются Цесаревичъ—атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ, великій князь Владимиръ Александровичъ—командующимъ гвардіей и войсками Петербургскаго округа; генералы: Зюловъ, Галль и Даниловичъ—генералъ-адъютантами; майоры: Васильковскій и Абрамаковъ—въ свиту, а адъютанты—полковники: Козловъ, графъ Шереметьевъ, Мартыновъ, графъ Олсуфьевъ, князь Бѣлосельскій-Бѣлозерскій, Шереметьевъ, князь Оболенскій—флигель-адъютантами.

—**St. Petersburg Herald:** Государь Императоръ 2 марта сказалъ генерал-лейтенанту въ дворцѣ: „Я принимаю вѣнецъ съ рѣшимостью пытаться слѣдовать Отцу Моему и закончить дѣло, начатое Имъ. Если бы Всевышній и Мнѣ судилъ ту же участь какъ ему, то надѣюсь, вы будете Моему сыну (Онъ указалъ на Государя Наслѣдника) также вѣрны, какъ были Моему Отцу.“

— „Рус. Курьеръ“: 3 марта. Покойный Государь въ послѣдніе дни былъ въ особенно хорошемъ расположеніи духа. 1 марта былъ назначенъ семейный оубѣд у наслѣдника Цесаревича. Онъ завтракалъ съ семьей, когда раздался взрывъ. Скоро пшальмейстеръ примчался верхомъ. Государь Цесаревичъ съ Августѣйшей супругой встѣрили его на лѣстницѣ. Пшальмейстеръ едва произнесъ отъ волненія, что Государь Императоръ страшно раненъ. Цесаревичъ съ супругой, немедленно уѣхали во дворецъ. Государь ничего уже не говорилъ, но движенія глазъ показывали присутствіе сознания. Три глубокихъ вздоха предшествовали кончинѣ.

— „Прав. Вѣст.“: ранено при катастрофѣ 1 марта 18; двое умерло: легко ранены: городской Мининъ, учитель музыки Капри, солдатъ Давыдовъ, ротмистръ конвой Кулебякинъ въ руку и голову, матросъ Борисовъ и полковникъ Дворжицкій. Изъ находящихся въ придворномъ госпиталѣ, о которыхъ я уже сообщалъ, умерли казакъ Малевичъ, и неизвѣстный лѣтъ тридцати. Тяжело ранены: околоточный Галактионовъ, крестьянинъ Максимовъ, помощникъ пристава Максимовъ, и ординарецъ Государя Мачневъ. Легко ранены: крестьяне—Дьяконовъ 16 лѣтъ и Базилъ 16 лѣтъ; казаки—Кузменко, Сошинъ, Лупенко, Сафѣевъ и Алленниковъ.

— „Порядку“ передаютъ, что Его Императорское Величество поручилъ великому князю Михаилу Николаевичу произвести личный прощелъ, бывшихъ свидѣтелями печальной катастрофы. Его Величество изволилъ, между прочимъ, сегодня, въ 5½ часовъ пополудни, посѣтить 1-е военное павловское училище и приказалъ доставить ему немедленно списокъ фамилій офицера, юнкеровъ и барабанщика, которые, возвращаясь съ развода, въ числѣ первыхъ прибыли на мѣсто преступленія.

— „Петербургскій Листокъ“ передаетъ слѣдующія подробности объ арестѣ: 2-го марта, вслѣдствіе показанія преступника Рысакоса, въ 11 часовъ вечера, въ 1 у. Александровъ-Невскаго части прибыли товарищъ прокурора пристава Рейнгольда, городского и околоточныхъ надзирателей отправились произвести обыскъ въ Тележную улицу, въ домъ Пригонова, № 5, въ кварт. № 7. По приходѣ къ дверямъ означенной квартиры, помощникъ пристава Рейнгольда, на данный звонокъ услышалъ за дверями шумоту и затѣмъ мужской голосъ спросилъ—кто тутъ?—на этотъ вопросъ послѣдовалъ отвѣтъ, что приставъ и прокуроръ; послѣ этого отвѣта дверь затворилась

и на неоднократные звонки голоса изъ квартиры не подавалось, вслѣдствіе чего было сдѣлано распоряженіе сломать двери. Лишь только послышались удары топора у дверей, какъ раздался подрагъ одинъ за другимъ 6 выстрѣловъ изъ револьвера, изъ которыхъ одинъ попалъ въ дверь; послѣ 6-го выстрѣла все стихло, а незнамо откуда дверь отворила женщина небольшого роста, лѣтъ 25-ти, просившая о помощи. При входѣ въ квартиру всѣхъ присутствующихъ, на полу второй комнаты, отъ входа направо, лежалъ, плава въ крови, мужчина средняго роста съ темнорусою, окладистой бородою, на видъ лѣтъ 32-хъ, одѣтый въ русскую красную камчатную рубашку, сѣрая триконовая нѣмецкаго покроя брички и ботинки. Повидимому, самоубійца уложилъ себя 6-мъ выстрѣломъ, направленнымъ въ лѣвый глазъ, наповалъ. Женщина, отворившая дверь, немедленно была схвачена и подвергнута допросу, причѣмъ отказалась дать какія-либо объясненія.

Послѣ этого было приступлено къ обыску, которымъ обнаружено присутствіе въ квартирѣ въ двухъ жестяныхъ банкахъ 10 фунтовъ динамита, въ каждой по 5 фун., нѣсколько экземпляровъ прокламаций, по содержанію начала и по формамъ, похожихъ на вѣдѣдшій 2-го марта манифестъ, отпечатанный „Нов. Вр.“, паспортъ убитаго на имя коллежскаго ассесора Навроцкаго, много учебныхъ книгъ, газетъ и проч.

По началу обыска было сдѣлано распоряженіе, чтобы дворники и городские охраняли квартиру и, вмѣстѣ съ тѣмъ, если въ нее явится кто-либо посторонній, то чтобы немедленно задерживали и представляли въ квартиру, гдѣ находились помощникъ пристава, городские и околоточные.

Утромъ 3-го марта, въ 10 часовъ, въ означенной квартирѣ подошелъ неизвѣстнаго званія человекъ, очень прилично одѣтый, въ черномъ сюртукѣ, такихъ же брюкахъ, епотовой рубки съ бобровымъ воротникомъ, въ суконной синяго цвѣта шапкѣ. На вопросъ, предложенный дворникомъ, кого нужно, неизвѣстный отозвался, что ищетъ квартиры № 12, а въ ней кучера Петрова, но на отвѣтъ дворника, что квартира № 12 пустая, онъ, не отвѣчая ни слова, началъ подниматься по лѣстницѣ вверхъ, почему и былъ схваченъ бывшимъ на лѣстницѣ городскимъ полицейскаго резерва Денисовымъ и представленъ къ помощнику пристава Рейнгольду, который, спросивъ нѣсколько словъ у неизвѣстнаго, приказалъ надхидшимся тутъ околоточнымъ надзирателямъ Зезюину и Нордману обыскать его. Въ то время, какъ городской Денисовъ началъ снимать съ него шубу, неизвѣстный моментально опустилъ руку въ карманъ и, вынувъ оттуда револьверъ, направилъ его въ упоръ въ г. Рейнгольда. Послѣдній, замѣтивъ направленный на него револьверъ, стигнулся въ сторону, и пуля, вмѣсто него попала въ стояншаго тутъ же помощника пристава г. Слудкина и, пробивъ пальто и сюртукъ, контузила его правую сторону груди; вторымъ выстрѣломъ опасно раненъ въ пахъ городской Денисовъ. Преступникъ схвативъ сади, когда направлялъ выстрѣлы въ другихъ окружающихъ, но никого не ранилъ. Городовой помѣщонъ въ рождественскую больницу, а Слудкинъ находится на квартирѣ.

При осмотрѣ комнатъ, 5 выстрѣловъ, оставшихся слѣды на стѣнахъ и потолкѣ комнатъ, объяснить можно тѣмъ, что преступникъ ранѣе того, чѣмъ убилъ себя, желалъ изъ боязни, чтобы бывшая съ нимъ женщина не выдала чего-либо, убить и ее, но она, избѣгая выстрѣловъ, по всей вѣроятности, бѣжала отъ него по разнымъ комнатамъ.

Личность неизвѣстнаго, явившагося въ квартиру Навроцкаго, такова: онъ высокаго роста, коренастый, лѣтъ 25 или 26, блондинъ, имѣетъ небольшіе усики и еще пробивающіеся бакенбарды, фигура его прямая, лицо открытое.

При входѣ въ квартиру Навроцкаго, обстановка ея оказалась слѣдующая:

Въ первой комнатѣ стоялъ комодъ; налѣво отъ дверей, немного далѣе отъ него—кушетка, крытая зеленымъ бархатомъ; направо—круглая желѣзная печь, около которой стоялъ деревянный, простой табуретъ, а на немъ была масса сожженныхъ печатныхъ листовъ, въ самой печкѣ находились безрезервова дрова и также остатки сожженной печатной бумаги.

Во второй комнатѣ стоялъ диванъ со столомъ; по бокамъ дивана были двѣ этажерки, на которыхъ лежали разныя учебныя книги, а на окошкѣ, позади дивана, съ правой стороны его, стояли двѣ жестяныя банки съ динамитомъ; банки эти были обернуты въ газетную бумагу и обвязаны дешовыми цѣтными бумажными платками. По изследованію банокъ съ динамитомъ, найдено, что края ихъ обвязаны нитроглицериномъ и имѣютъ въ среднѣхъ куски свернутого сукна, смоченнаго

пироксилиномъ. Въ этой же комнатѣ найдены также зарядные гвозди; по формѣ напоминающие гвозди, подбиваемые подъ простыя крестьянскіе сапоги; шляпки ихъ имѣютъ на себѣ пироксилины.

Въ третей комнатѣ, изголовьемъ къ дверямъ второй комнаты, стояла одностаянная желѣзная кровать съ матрацомъ и подушками, причѣмъ на кровати, въ сильномъ беспорядкѣ, было навалено мужское и женское бѣлье, платье, повидимому, вынутое на скоро изъ комода, стояншаго тутъ же, въ ногахъ кровати. Правѣ этого комода былъ открытъ обыкновенный ломберный столъ съ зеленымъ сукномъ; на этомъ столѣ стояла чернильница съ крупными часами, лежало: номеръ „Голоса“ 2-го марта, два изданія 2-го марта газеты „Новое Время“, шугъ двадцать конвертовъ небольшого формата, нѣсколько чистыхъ листовъ обыкновенной бумаги, транспортъ съ рисунками устройства какого то аппарата съ проводомъ электрическаго тока. Рисунокъ этого сдѣланъ карандашомъ. Въ комнатѣ былъ страшный беспорядокъ: по полу были разбросаны разныя книги по естественнаго и бумаги.

Состояніе здоровья пораненныхъ неизвѣстнымъ лицомъ, задержаннымъ у квартиры Навроцкаго, таково:

Рана у городского Денисова опасна, хотя пуля и извлечена изъ раны съ кускомъ сѣраго сукна.

Контузія же помощника пристава Слудкина, при благопріятномъ лѣченіи, опасности не представляетъ.

— Въ „Моск. Вѣд.“ отъ 2-го марта читаемъ: сегодня, раннимъ утромъ, въѣздъ отъ ужасномъ событіи разнеслся въ самыя отдаленныя окраины Москвы и какъ громомъ поразила всѣхъ. Народъ сталъ собираться по улицамъ около читавшихъ телеграммы. Подъ гнетомъ глубокой скорби объ утратѣ склонились головы, многіе плакали; вездѣ слышалось негодованіе на виновниковъ ужаснаго злодѣянія.

Въ началѣ 11 часа утра многочисленныя толпы народа направились въ Кремль. Кремлевскіе храмы переполнились молящимися о скончавшемся мученическомъ смертью возлюбленномъ Государѣ. Въ 11 часовъ все пространство между Успенскимъ соборомъ и Чудовымъ монастыремъ было занято народомъ разныхъ сословій и состояній. Въ 11 часовъ большой колоколъ Ивана Великаго тремя ударами возвѣстилъ Москвѣ о кончинѣ Государя. Въ Успенскій соборъ, наполненный военными и гражданскими чинами, прибыли московскій генералъ-губернаторъ. Начался торжественный обрядъ принесенія присяги Его Императорскому Величеству Государю Императору Александру III и Его Наслѣднику Государю Цесаревичу Николаю Александровичу. Затѣмъ обоими викариями московской епархіи, преосвященными Авросіемъ, епископомъ дмитровскимъ, и Алексіемъ, епископомъ Можайскимъ, совершенно было молебствие съ провозглашеніемъ многолѣтня Государю Императору Александру Александровичу.

Въ часъ пополудни въ Архангельскомъ соборѣ архіерейскимъ служениемъ совершена была панихида по въ Бозѣ почившемъ Императорѣ. Во время панихиды многіе плакали навзрыдъ.

Во 2 часу во всѣхъ церквахъ москвичи приносили присягу и затѣмъ на панихидахъ молились объ упокоеніи незабвеннаго Государя. Храмы были полны молящимися. Трогательно было видѣть съ какимы глубокимъ чувствомъ молились даже дѣти и какъ нищіе погупали свѣчи.

— Той же газетѣ телеграфируютъ изъ Петербурга, 2 марта. Въ моментъ вчерашняго взрыва была такая картина: одинъ изъ казаковъ Малевичъ лежалъ мертвымъ нѣсколько позади кареты; близъ тротуара Набережной, другой казакъ слѣбшій на козлахъ возлѣ кучера, Манцевъ, склонился въ изнеможеніи, судорожно ухватясь за козлы. На самомъ тротуарѣ, шагахъ въ тридцати позади, бился на землѣ и стоялъ мальчикъ, возлѣ котораго лежала большая корзина съ мясомъ; онъ несъ на головѣ эту корзину и былъ раненъ осколкомъ смертоноснаго снаряда. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него стоялъ отвалившійся на перила канавы изнемогая офицеръ, также раненый. Впереди падалъ на землю городской; тутъ же стоялъ обезумѣвшій отъ страха мастеровой, несшій небольшой дыячикъ. Наконецъ нѣсколько въ сторонѣ быстро удалялся человекъ съ длинными космами, въ пантѣ и темно-синемъ пальто. Государь тотчасъ указалъ на него и направились къ раненымъ офицеру и мальчику. Не прошлоу Государя и половины разстоянія, какъ раздался новый взрывъ и извился клубъ бѣлаго дыма; это былъ второй снарядъ, брошенный злодѣями—какъ полагаютъ—человѣкомъ стоявшимъ налѣво канавы. На мѣстѣ гдѣ произошелъ первый взрывъ образовалась нѣглубокая круглая воронка въ три четверти аршина глубины и аршина два въ поперечникѣ. Въ углубленіи ея видѣлись куски свернутого сукна, смоченнаго

или наклі. На мѣстѣ второго взрыва образовалось ни воронки, ни углубленія; эта разниа произошла вѣроятно потому, что при первомъ взрывѣ кареты представляла извѣстное сопротивленіе сверху дѣйствію газовъ. Тутъ валяются на сѣбу суконныя клочки какъ бы отъ военной шинели. У самого тротуара канавы свалена груда разныхъ вещей отблѣненная нѣсколькими рядовыми Павловскаго полка. Здѣсь, возлѣ кроватной лужи, валяется: офицерская сброшенная шинель съ мѣховымъ воротникомъ, обломокъ нижняго конца шапки, шапка околоточнаго надзирателя, деревянные обломки и куски чорнаго сукна, вѣроятно отъ шинели казака. Тутъ стоитъ большая такъ-называемая бѣловая корзина съ мясомъ; нѣсколько поодаль небольшой мягкій дыячикъ безъ обивки. Сегодня массы народа толпятся около мѣста злодѣянія.

— „Рус. Вѣд.“ телеграфируютъ изъ Петербурга, 2-го марта. На улицахъ небывалое движеніе. По городу разбѣжались патрули конныхъ казаковъ. На мѣстѣ происшествія весь день тѣснится толпа; копаются въ снѣгу; отыскиваются клочки платья, и находятъ запершіеся куски крови.

Говорятъ, что народъ избѣлъ какого то студента медика, обратившагося къ нему съ рѣчью. Рассказываютъ, что за Рысакосымъ давно слѣдила полиція. Изъ Горнаго института его хотѣли исключить за неблагонадежность. Послѣдніе два мѣсяца онъ не ходилъ въ институтъ и его потеряли изъ виду. Разнесе слухъ, что на Васильевскомъ островѣ открыта, будто бы, цѣлая шайка, и что схвачено два важныхъ преступника.

— „С.-Петербургскія Вѣдости“ сообщаютъ слѣдующія свѣдѣнія о Рысакосѣ: 1) мѣщанинъ Николай Рысакосъ опредѣленъ былъ въ Горный институтъ въ 1879 году, съ разрѣшенія высшаго начальства, по просьбѣ бывшаго преподавателя петербургскаго учебнаго округа, князя М. С. Волконскаго. Само собой разувѣется, что князь М. С. Волконскій ходатайствовалъ за Рысакоса только какъ почтеннѣе друга и по представленію столь же настойчивому ближайшихъ учителей Рысакоса. 2) Въ 1880 году онъ былъ переведенъ изъ 1-го курса во 2-й. 3) Въ 1880 году іюля 3-го Рысакосъ получилъ отпускъ по 15-е сентября, т. е. на каникулярное время въ городъ Вятку и другія мѣста оленецкой губерніи; изъ отпуска явился въ заведеніе къ сроку. 4) На праздникъ Рождества Христова въ 1880 г. отпуска не бралъ. 5) 3-го января 1881 года онъ получилъ пособіе въ 50 руб., но и въ прошедшемъ году, по случаю слуховъ о его бѣдности, Рысакосу выдано было небольшое пособіе, не смотря на то, что находился въ 1-мъ курсѣ, гдѣ пособіе не дается. Такое исключеніе было сдѣлано вслѣдствіе доношенія директора Горнаго института, командированнаго на квартиру Рысакоса, для личнаго удостовѣренія въ степени бѣдности. Директоръ напомнлъ, что онъ дѣйствительно бѣденъ. 6) Послѣ праздниковъ Рождества Христова и Крещенія въ 1880, 1881 году замѣтилъ отсутствіе въ классахъ Рысакоса. 7) Во время пребыванія своего въ Петербургѣ Рысакосъ велъ себя скромно, хотя и не отличался откровенной и пріятной наружностью. Онъ усердно посѣщалъ лекціи; преимущественно находился въ библиотекѣ института. Вообще Рысакосъ умѣлъ заслужить репутацію преданнаго учебнымъ занятіямъ юноши.

— По словамъ „Порядка“, задержанный преступникъ Рысакосъ въ моментъ отогнания отъ него полковникомъ Дворжицкимъ вынулъ револьверъ, просилъ хотъ на минуточку освободить его лѣвую руку. Просьба не была исполнена, и при обыскѣ, съ правой стороны подъ платьемъ найдена была заготовленная капсюлька съ сильнымъ ядомъ.

— „Московскія Вѣдомости“ Петербургу, 4 марта. Руководитель шайки террористовъ совершившей злодѣяніе 1 марта находится въ рукахъ правосудія. Это молодой человекъ Желябовъ. О немъ передаютъ изъ достовѣрныхъ источниковъ слѣдующее: Пять лѣтъ тому назадъ, будучи воспитанникомъ старшаго класса одесской гимназіи, онъ впалъ въ какое то состояніе апатіи и разочарованія жизнью. На это отчасти повліяла матеріальная нужда. Рѣшивъ кончить съ собой, онъ зашелъ въ какую то кондитерскую и усѣлся читать газеты. Его мрачный видъ и вообще что то не естественное во внѣшности обратили вниманіе одного посѣтителя, который, приблизившись къ юношѣ, завелъ разговоръ и мало по малу выпыталъ исповѣдь душевнаго состоянія. Юноша былъ пораженъ тогда неизвѣстнымъ предположилъ выходъ, но естѣственно въ разбѣрѣ ста рублей въ мѣсяцъ, подѣлюемъ раздѣлаемъ въ кругу товарищей передаваемыхъ ему листовъ. Желябовъ, подѣлившись гнетущей нуждой и положеніемъ завсѣгдаго безвыходнымъ, согласился стать распространителемъ революціонныхъ прокламаций. Онъ скорѣе попалъ

и сдѣланное имъ чистосердечное сознание совершенно согласно только что приведеннымъ мотивамъ, по привлеченіи къ судебной отвѣтственности, вызвало въ судѣхъ участіе въ судѣхъ увлеченнаго Желябова. Судъ вынесъ тогда почти оправдательный приговоръ, но Желябовъ однако около четырехъ лѣтъ оставался подѣ строгимъ надзоромъ. Кажется не минуло еще года, какъ ему предоставлена безусловная свобода, которую онъ и воспользовался, по обнаруженнымъ фактамъ, чтобы стать во главѣ (?) партіи именующей себя фракціей террористовъ. Онъ то и былъ руководителемъ (?) адептаго дѣла 1 марта.

— „Моск. Тел.“: еще и 3-го марта, народъ толпами являлся осматривать мѣсто катастрофы, на которомъ смертельно раненъ въ Бозѣ почившій Государь. Только небольшая ямка свидѣтельствуетъ теперь о мѣстѣ преступленія. Даже положеніе его и очертаніе измѣнились. Сообщаемъ слѣдующія точныя свѣдѣнія, собранныя часъ спустя послѣ преступленія: ямка 40 дюймовъ въ діаметрѣ, глубиной на сѣбу—восемь дюймовъ. Она находится въ 11-ти шагахъ отъ каменнаго забора сада великой княгини Екатерины Михайловны и въ 9-ти шагахъ отъ рѣшетки набережной. Въ ямкѣ найдены кусокъ пробки, кусокъ краснаго сургуча, два кусочка жести, золотой браслетъ съ женскимъ медаліономъ. Вокругъ ямки были разбросаны клочки волосъ, куски матеріи и щепки дерева отъ экипажа, стекла отъ каретныхъ фонарей. Въ 15-ти шагахъ отъ этой ямки, по направленію къ Театральному мосту—мѣсто второго взрыва; здѣсь въ пространствѣ 30-ти шаговъ разбросаны были клочки сукна и равной матеріи, а въ сторонѣ у забора сложенные вещи пострадавшихъ. Въ числѣ этихъ вещей слѣдующія оказались принадлежащими покойному Государю: а) фуражка инженернаго вѣдомства на ватной, полковой, сѣраго цвѣта подкладкѣ, безъ кокарды, козырька и части околыша; б) верхняя часть военной инженернаго вѣдомства шинели съ бобровымъ воротникомъ и лацканами; нижняя часть шинели изорвана въ клочки, подѣ воротникомъ, съ лѣвой стороны, оторванъ клапанъ; в) кусокъ серебряной порупенъ; два бѣлосеребряныя платка съ мѣтками А. Н., на одномъ буквы вышиты рядомъ, на другомъ одна на другой, на крестѣ; д) части козы отъ раздробленнаго сапога. Сверхъ того, тутъ же, въ кучѣ, находились: два письма на имя Поля и Володи, башмаки, куски дерева и матеріи отъ кареты. Въ двухъ мѣстахъ большіе слѣды крови, изорваные края шинели замараны кровью.

Въ газетахъ помѣщены слѣдующія телеграммы:

Парижъ, 3-го (15-го) марта. Президентъ сената говоритъ, что нѣтъ ни одного сенатора, который не испыталъ бы глубокаго негодованія по поводу убійства Русскаго Императора, одного изъ наиболѣе великихъ реформаторовъ столѣтія (*живое одобрение на вѣсть безъ исключенія скамья*), даровавшая свободу миллионамъ рабовъ. „Являясь выразителемъ этого негодованія, я выражаю чувства не сената только, но всей страны“. (*Рупокасканія*). Одиоре-Пакъ говоритъ: „Мы безусловно присоединяемся къ выраженнымъ президентомъ чувствамъ. Франція не забудетъ услугъ, оказанныхъ Александромъ II-мъ. Императоръ съ первыхъ дней былъ нашимъ другомъ“. (*Рупокасканія*). Сенатъ постановляетъ прекратить засѣданіе.

Парижъ, 2-го (14-го) марта. Въ палатѣ членъ правой Дюбоданъ предложилъ при открытіи засѣданія наложить трауръ по случаю смерти Русскаго Императора. Гамбетта, въ волненіи, заявилъ, что онъ предлагаетъ высказать, въ данномъ случаѣ, единодушное рѣшеніе, которое затѣмъ и послѣдовало.

Парижъ, 3-го (15-го) марта. Извѣстіе объ убійствѣ Царя произвело здѣсь ужасъ и глубокое, искреннее оторженіе. Отказывались сначала вѣрить извѣстію. Правительство воспринимало продажъ газетъ, заключающихъ дешену. Консервативныя газеты говорятъ, что Царь—мученикъ, которому народъ воздвигнетъ статуи. Его дѣянія будутъ прославляться. Нигилизмъ составляетъ позоръ Европы. Франція приветствуетъ новаго Царя, который сказалъ, что не будетъ ни за французовъ, ни за нѣмцевъ, а будетъ только русскимъ.

Парижъ, 3-го (15-го) марта. Rеpublicaine Française хвалитъ палату и сенатъ, что они прекратили вчера засѣданіе, давъ симъ публичное свидѣтельство участія, принимаемаго Франціею въ горѣ, поразившемъ Россію, и негодованія противъ мрачныхъ заговорщиковъ. Газета указываетъ, какъ секаторы, хотя малочисленные, но могутъ замедлять прогрессъ. Говоря о новомъ Императорѣ, газета объясняетъ, что Россія и новый ея Государь связаны величайшими узами сочувствія; патриотизмъ есть. Его самое высокое качество; самая главная забота юнаго Государя посвящена величію и благо-

въ великому одвѣтѣю человечества, варварское и тираническое государство въ противность международному и общечеловѣческому праву; а между тѣмъ мы состоимъ еще въ мирѣ съ нашими сосѣдямъ и вся Европа употребляетъ свое посредство и дружно работаетъ, чтобы достигнуть мирнаго разрѣшенія того спора, который ведется между нами. Я спрашиваю правительство: довели ли оно до свѣдѣнія образованнаго міра, до свѣдѣнія Европы—посредники объ этихъ противныхъ договорахъ объ этихъ разбойничьихъ поступкахъ? Если, сверхъ всякаго ожиданія, правительство до сихъ поръ этого не свѣдѣло, то необходимо точнѣе же возвѣстать объ этомъ: пусть же, наконецъ, весь свѣтъ узнаетъ, что это за государство, ради поддержанія котораго въ 1854 г. истощены такіа громадныя суммы и пролито столько крови! Пусть великія державы произнесутъ свой приговоръ, пусть онъ всѣ произнесутъ: его по одиночкѣ; Франція, отечество Людовика Святого, свободная Англія, мудрая Германія, христіанская Австрія и великая православная Россія! Я повторю: православная Россія и Италия, еще недавно ссорившая съ себя чужеземное иго—пусть эти державы узнаютъ: какого рода то государство, которое онѣ помянули въ 1821 г., спасли въ 1840 г. и для котораго принесли столько жертвъ въ 1854 году. И не дальше какъ въ 1878

Дозволено цензурою. Харьковъ, 6 марта 1881 года.